

Культура. — 1994. — 26 марта. — с. 8.

КАК ЖИВЕШЬ,

ХУДОЖНИК?

Борис Ионайтис родился в 1944 году в Харбине, в мире русской эмиграции, среди тех, кто перенес на чужую почву дореволюционный уклад жизни. Поверив, что после смерти Сталина наша страна стала наконец свободной, родители будущего художника возвратились на Родину...

Борису Ионайтису пришлось пройти долгий путь, прежде чем он стал выставлять свои работы. Только с конца 80-х он стал участником международных выставок в Сеуле, Вероне, Мадриде. Международная федерация художников выпустила каталог его живописи. И он готовится сейчас к персональной выставке. Но наш разговор получился не о его творчестве, а о тех условиях, в которых сегодня оказались тысячи художников.

— Борис, вы как относитесь к артбизнесу?

— Любой артбизнес для реализации своих коммерческих интересов стремится прежде всего создать определенную систему ценностей в искусстве. Считаю, что «коммерческое искусство» ничем не отличается от «партийного». Как когда-то уходили от партийного диктата, так сегодня нужно уходить от коммерческого...

— А вы уходите?

— Да. Моя форма ухода проста: то, что делал тогда, делаю и сейчас. Ни у кого ничего не прошу, никому ничего не должен.

— Если бы все «уходили» так, как вы, никакая коммерциализация была бы не страшна. Но это не так... Какова же объективная картина на сегодняшний день?

— Того творческого запаса, который нарабатывало искусство России за 70 лет сопротивления власти, практически хватит еще лет на десять. Идет оптовый вывоз русских картин западными дилерами. Они ориентированы даже не на объективную художественную ценность работ, а на то, что русское искусство в том виде, в котором оно есть на сегодня, уникально.

— Но что мешает, например, вам, модному художнику, создать свою школу?

— Школа создается в свое время, когда совпадают все необходимые для этого условия. Сейчас этого нет. А насчет «модного художника» — чушь. Только дураки считают, что в искусстве есть мода. Не бывает ее. Творческий процесс вообще неуправляем. Искусство — интимная вещь и, кстати, именно поэтому принадлежит прежде всего самому художнику, а не народу, не коллекционеру.

— Вы часто бываете за рубежом. Каково ваше впечатление от современной западной культуры?

— Кошмар. Многие заблуждаются, надеясь найти на Западе рай земной. Конечно, жить там несравнимо лучше, чем у нас. В Вероне тротуары перед магазинами покрыты коврами. Город лопается от жратвы и товаров. Запах кофе, дорогих духов, прекрасно одетые люди. И при всем том наш раздел на выставке — едва не

самый лучший. Я прошел по всем галереям в Мадриде и знаю, что говорю. Недаром Черчилль как-то сказал, что капитализм пагубен для демократии. Странно: Европу ведь тоже разбомбили во второй мировой войне, но она пошла по пути укрепления социально-экономической системы и въехала в глухую бездуховность. Для американцев и европейцев картина — способ вложить деньги, а если им надо украсить квартиру, они приглашают дизайнера.

— В чем же тогда «их» преимущество перед «нами»? А «наше» — перед «ними»?

Европейцы себя уважают. Какое-нибудь мелкое хулиганство, пустяк, с нашей точки зрения, обязательно заставит волноваться чуть не всю страну. У нас же веками не было и сегодня нет чувства собственного достоинства, а правители, в руках которых гигантская власть, живут в блестящем заблуждении, понятия не имея, кем управляют. Народ уходит в запой — и мы наблюдаем се-

годня полную безответственность и бездеятельность. При этом за семьдесят советских лет создан такой культурный монолит, такой творческий ступок, которого во всей мировой истории не было. Тем более что русское искусство вообще никогда свободным не было. Еще Иван Грозный издал указ о запрете светской живописи. Единственный момент, когда художники выскочили из-под управления, — это так называемый серебряный век. Но к тридцатым годам их опять скрутили. К этому времени все «революционное» искусство стало контрреволюционным. Гайки закручивали, а человеческое концентрировалось на другом полюсе.

— А сегодня гайки раскрутили...

— И поэтому максимум через десять лет ситуация будет уже совсем другая. На смену неконформистам придут другие, молодые, зубастые, они, между прочим, опытные и ловкие. Пойдет мощнейшая подмена ценностей, о которой я уже сказал. Искусство потеряет свою суть, что ли. Ведь не все, что касается души, можно выставить и уж тем более продать. Есть же этические рамки, эстетические. А если уходить от этих рамок в сторону — страдает культура как целое. Между прочим, об отсутствии национального достоинства. Вот смотри: столица мира! Третий Рим! Сердце России! — а ни одного музея современного искусства. И, как я уже говорил, через десять лет может не остаться того, что нарабатано за семьдесят...

— Что же получается, через десять лет в России не станет искусства?

— Да нет. Идеи ведь висят, как груши, в воздухе. Их нигде ни больше, ни меньше. Когда приходит время, груши созревают и падают. Исчезнет то, что есть сейчас, а то, что будет потом, будет совсем другим.

Интервью подготовила
Вера КАЛМЫКОВА.